

Современная трансформация капиталистического общества и актуальность методологии классического марксизма

А.А. Коряковцев

*Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия*

Аннотация

В статье анализируется учение классиков марксизма о кризисе капиталистического общества в философско-методологическом аспекте. Ленинская теория империализма показана с позиции развертывания на новом историческом материале идей, высказанных К. Марксом в «Капитале». Маркс считал, что концентрация, централизация и монополизация капиталистического производства представляет собой созревание предпосылок «экспроприации экспроприаторов», канун социальной революции, открывающей путь к посткапиталистическому общественному устройству. Ленин обращал внимание на новые тенденции в этом процессе. Он пришел к заключению о том, что монополистический капитализм характеризуется как конец «свободного рынка» или, иначе говоря, что империализм есть конец «чистых» капиталистических форм. Такая мысль перекликается с идеей Маркса, высказанной им в предисловии к первому тому «Капитала»: начинается эпоха превращения капиталистического способа производства. В статье автором дан краткий обзор послевоенной истории, рассмотрены три ее эпохи («социальное государство», включая советское общество; неолиберализм и неомеркантилизм) как формы превращения капиталистического способа производства на основе его незавершенного отрицания. Данный процесс, согласно авторской точке зрения, можно трактовать как нисходящее развитие капитализма или как его системный кризис. Утверждается, что ни Маркс, ни Ленин не могли предвидеть сложности, возникшие вследствие затянувшегося кризиса. Вместе с тем в рассматриваемой ленинской работе содержится указание на два фактора, которые стали условием этого: «обуржуазивание» промышленного класса («оппортунизм») и зарождение в монополиях неэкономических, бюрократических связей. В итоге автором статьи сделан вывод о том, что для характеристики современного капитализма совсем не обязательно опровергать Маркса и Ленина. Однако требуется сменить марксистскую социологическую оптику на более

дробную, что позволит перейти от абстрактных схем советского истмата к более точному, диалектическому отражению экономических реалий современности.

Ключевые слова: империализм, монополия, кризис, рабочий класс, В.И. Ленин, К. Маркс, превращенная форма, капитализм, неолиберализм, неомеркантилизм.

Коряковцев Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, философии и культурологии Уральского государственного педагогического университета.

akoryakovtsev@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-1745-0361>

Для цитирования: *Коряковцев А.А.* Современная трансформация капиталистического общества и актуальность методологии классического марксизма // *Философские науки.* 2021. № 4. С. 133–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-4-133-159

The Modern Transformation of Capitalist Society and the Relevance of Classical Marxist Methodology

A.A. Koryakovtsev

Ural State Pedagogical University. Yekaterinburg, Russia

Abstract

The article analyzes the philosophical and methodological aspect teachings of the classical Marxist doctrine about the crisis of capitalist society in. Lenin's theory of imperialism is shown from the standpoint of developing the ideas expressed by K. Marx in *Capital*, addressing a new historical material. Marx believed that concentration, centralization, and monopolization of capitalist production serves as the ripening of prerequisites for the "expropriation of the expropriators" and the eve of a social revolution, which paves the way for a post-capitalist social order. Lenin drew attention to new developing trends in this process. He came to the conclusion that monopoly capitalism is characterized as the end of "free market" or, in other words, that imperialism is the end of "pure" capitalistic forms. This idea echoes the ideas of Marx expressed in the preface to the first volume of *Capital*: the era of transformation of the capitalist mode of production is beginning. In the present article, the author gives a brief review of post-war history, examining its three eras ("welfare state", including Soviet society; neoliberalism; neo-mercantilism) as forms of transformation of the capitalist mode of production on the basis of its incomplete rejection. According to the author, this process can be interpreted as the downward development of capitalism,

or its systemic crisis. It is argued that neither Marx nor Lenin could have foreseen the difficulties that arose as a result of the prolonged crisis. At the same time, Lenin's book indicates two factors that became a condition for this: the *embourgeoisement* of the industrial class ("opportunism") and the emergence of non-economic bureaucratic relations within monopolies. The article concludes that it is not at all necessary to refute Marx and Lenin in order to characterize modern capitalism. However, it is necessary to adjust the Marxist sociological "optics" to a more detailed mode. Then, we will be able to move from the abstract schemes of Soviet history to a more accurate, dialectical reflection of the economic realities of our time.

Keywords: imperialism, monopoly, crisis, working class, V.I. Lenin, K. Marx, transformed forms, capitalism, neoliberalism, neomercantilism.

Andrey A. Koryakovtsev – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Sociology, Philosophy, and Cultural Studies, Ural State Pedagogical University.

akoryakovtsev@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-1745-0361>

For example: Koryakovtsev A.A. (2021) The Modern Transformation of Capitalist Society and the Relevance of Classical Marxist Methodology. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 64. no. 4, pp. 133–159 . DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-4-133-159

Введение

В 2008 году капиталистическую экономику потряс экономический кризис. Несмотря на то, что сообщалось о его преодолении, мировую экономику не раз накрывала новая кризисная волна. Их было три: в 2008–2009, 2013–2016 и в 2020 годах. Есть все основания для того, чтобы объединить их в один «большой», по новейшей классификации В. Колташова, кризис [Колташов 2019]. Между ними наблюдалось экономическое оживление, но оно не было стабильным и долгосрочным. Кризис, начавшийся в 2008 году, продолжается более десяти лет, и он уже побил рекорд длительности, по крайней мере, среди кризисов послевоенного времени.

Проанализируем причины его затяжного характера с точки зрения методологических приемов марксистской классики. Для этого прежде всего рассмотрим особенности современного капитализма. Исходная точка его развития определена в «популярном очерке» Ленина (так он определил жанр своего произведения) «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916).

Ограниченность дихотомии понятий «капитализм»

И «СОЦИАЛИЗМ»

Захват монополиями «свободного рынка» Ленин считает достаточным, чтобы прийти к выводу о том, что в обществе произошел переход от «старого» капитализма к «новому», что имела место *структурная перестройка* или *превращение* капиталистического способа производства в сфере его организационных форм.

Важно отметить, что данные изменения не замыкаются на экономике. Они распространяются и на общество в целом, трансформируют, *превращают* все общественные связи. Что означает господство монополий в сфере общественных отношений? Это означает, что вместо горизонтальной связи между «свободными индивидами», т.е. *idée fixe* либерализма, происходит установление связи *вертикальной*, иерархической. Монополии стремятся поглотить не только «свободный» бизнес. Они в той или иной политической форме стремятся поглотить и гражданское общество как живую совокупность спонтанно развивающихся социальных отношений. Насколько успешно это им удавалось или удастся сделать и в какой политической форме – определяется гражданским сопротивлением.

Известная «антиутопия» Дж. Лондона «Железная пята» (1908), художественно отразившая данный процесс, предвосхищает в этом смысле исследование Ленина. В сфере бизнеса и ранее существовало неравенство, капитал дробился на мелкий, средний и крупный. Но позднее, в исследуемый нами период, такое неравенство было закреплено в устойчивой *иерархии*, которая не нависала извне над капиталистическим способом производства подобно феодальной или государственно-бюрократической, а порождалась им самим и пребывала *внутри* его. В результате «либеральные свободы» и представительная демократия *формализуются*. Монополия, вырастающая как аппендикс на теле капиталистического способа производства, содержит в себе зародыш неэкономических, силовых, политико-административных [Ленин 1969, 362–363], *бюрократических общественных отношений*.

В XX веке это отразилось в режиме «управляемой демократии», впервые описанном М. Хоркхаймером [Хоркхаймер 2011, 173]. Кажется, будто в сфере идей происходит возвращение к «дискурсу» раннебуржуазной эпохи, эпохи Вольтера, когда «либеральные свободы» являлись *желаемой* целью борьбы гражданской буржуазии с «авторитарным» государством. Так обычно представляет произошедшую метаморфозу либеральная пресса. Но в руках

монополий идеология либерализма становится не более чем инструментом политической манипуляции, раздражителем политических и экономических конкурентов, как было в советскую эпоху во время холодной войны, а позднее – в эпоху неолиберализма [Харви 2007, 52–55]. Первоначальное освободительное содержание либеральной идеологии выхолащивается [Голдберг 2012].

Монополия, таким образом, предстает как результат отрицания частного капитала внутри самого капитализма, как форма *обобществления* производства [Ленин 1969, 425]. Но поскольку это обобществление остается в пределах капиталистического способа производства, то оно *формально* является не более чем его *незавершенным отрицанием* и исторически первым *превращением* капитализма.

Из того, что «свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще» [Ленин 1969, 385], и что ей на смену пришел империализм, который исключает свободную конкуренцию, Ленин делает вывод о том, что последний представляет собой «канун социальной революции пролетариата» [Ленин 1969, 308]. Капитализм утрачивает прогрессивную, творческую общественную роль. Речь идет о «паразитизме» его империалистической стадии, заключающемся в том, что господство монополий и финансовой олигархии оформляется как «государство-ростовщик» [Ленин 1969, 398], которое заинтересовано не в производстве и развитии национальной промышленности, а в финансовых спекуляциях, вывозе капиталов и колониальных захватах.

Говоря о «загнивании» капитализма, Ленин имел в виду не только и не столько снижение материального уровня жизни трудящихся, как обычно представляют себе критики. «Загнивание» капитализма он связывал с тем, что в либеральной идеологии получило название «тоталитаризм». Ленин характеризовал ситуацию следующим образом: «Монополии, олигархия, стремления к господству вместо стремлений к свободе, эксплуатация все большего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций» [Ленин 1969, 422]. Эти слова подтверждают факты постсоветской истории: бомбардировки НАТО Югославии, Ирака, Ливии, ограбление Греции германскими банками [Шенэ 2017, 40–46], разорение постмайданной Украины [Манчук 2017] и т.д.

Итак, капиталистическая *формационная эпоха* в «чистом» виде, в отличие от предшественниц [Маркс 1959, 7] просуществовала лет двести, чуть более или чуть менее, в зависимости от конкретной страны (в России – чуть более полувека). Капитализм в своем «чистом» выражении оказался самым нежизнеспособным и самым динамичным общественно-экономическим строем. Очевидно, что это – самое нестабильное общество, которое знала история. Как только система буржуазных отношений распространилась по европейскому континенту в начале XIX века, ее стали терзать внутренние противоречия в виде экономических кризисов. Они являлись в XIX столетии в 1803, 1810–1820, 1825, 1847–1850, 1857–1858, 1866, 1873–1878, 1890–1893 и 1899 годах. При этом кризисы капитализма становились мировыми в той степени, в какой он завоевывал мир.

Кроме того, в XIX столетии нередко происходили социальные кризисы в виде политических революций: в 1830, 1848, 1870–1871 годах. Ленин справедливо назвал их волнами единого революционного процесса [Ленин 1968, 239–304]. Они предстают в своей целостности как подобие предродовой схватки и прообраз *мировой социальной революции первой половины XX века*.

Описанные Лениным новые черты капитализма составляют отправной пункт общественного развития в XX веке. Они определили и достижения современного капитализма, и его кризисы, правда, не в той форме, как предполагал Ленин, и не с тем результатом, на который он надеялся. Вместе с тем данное обстоятельство не дает права упрекать его в теоретических ошибках или отклонении от марксистской методологии.

При этом Ленин пишет о *разных* видах капитализма. Он проводит различие в самом капиталистическом способе производства и обращает внимание на разницу между его моделями, которые представляет как *этапы его развития*. Подобную постановку вопроса для исследуемой эпохи можно считать новаторской. Ранее в соответствующей традиции, пожалуй, только Маркс подошел вплотную к теме внутренней дифференциации капитализма. В предисловии к первому тому «Капитала» он отмечает: «Геперешнее общество не твердый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения» [Маркс 1960, 11]. Действительно, вся последующая история капитализма, в особенности XX век, – это история *превращенных форм* [Мамардашвили 1970] капитализма, до сих пор остающихся малоизученными.

Однако данный тезис остался не развернутым. «Капитал» представляется нам исследованием «чистых» (взятых в собственной логике) форм капиталистического способа производства, как однородное целое (имеется в виду не его внутренняя структура, а единообразие внешней формы). Даже тенденцию централизации (у Ленина – монополизации) Маркс схватывает в самом общем виде [Маркс 1960, 772–773]. Он ее не проблематизирует. Это не случайно: в его время еще не был накоплен исторический материал. Последний появился позднее, в эпоху Ленина, который и начнет анализ первых форм превращения капиталистического способа производства. Трагедия Маркса и Ленина и состоит в том, что они не видели и не могли видеть результатов тех процессов, которые фиксировали и драматическому развитию которых способствовали своей политической деятельностью. Они исходили из наличных фактов, но противоречивая природа таких фактов эмпирически еще не была раскрыта.

Насколько полно рассмотрен тот или иной предмет, зависит, как правило, от степени развернутости его свойств. В своем незрелом состоянии он отличает себя от «иного», находится еще «в-себе» как «твердый кристалл», выражая свои внутренние различия и противоречия только непосредственно, в «чистом», идеальном виде, без всякого рода искажений и примесей, неизбежно возникающих при практическом проявлении. Следовательно, на этой стадии анализ его внутренних свойств и противоречий будет неполным: они сами по себе еще не развились, не явили миру свою подлинность. Максимум, что можно сделать в данном случае – обозначить наиболее вероятные тенденции его развития. Но все будет иначе, когда предмет созреет и расцветет во всей своей сложности, когда он представит миру внутреннее конкретное многообразие. Только при этих условиях его анализ сможет стать наиболее многосторонним.

Тем самым материалистическая диалектика заставляет нас прибегнуть к иной социологической оптике, более дробной, нежели классическая «марксистско-ленинская» дихотомия понятий «капитализм» и «социализм». Последняя остается *в принципе верной* для обозначения долговременных и глобальных общественных процессов, но оказывается недостаточной ввиду своей абстрактности для рассмотрения общественного развития, происходящего *здесь и теперь*, в современную эпоху господства превращенных капиталистических форм.

Согласно позиции Ленина, общество рубежа XIX–XX веков имело характер, переходный к социализму. Но если такой переход в полной мере еще не завершен, если он обернулся переходом между разными *моделями* капитализма, имеющими переходный характер, то оппозиция понятий «капитализм» и «социализм» не отражает все оттенки этих превращений. В новых исторических условиях отказ от указанной понятийной оппозиции в пользу понятий меньших по объему значений – это отказ от догмы в пользу анализа и синтеза действительных знаний о новых общественных процессах и о новых общественных отношениях. Подобный отказ *внешне* напоминает берштейнианскую формулу. Суть ее в следующем: «Движение – все, конечная цель – ничто». Но, во-первых, данный прием лишен политического значения. Во-вторых, социальные причины, оправдывающие его использование, состоят в том, что реализация практической цели рабочего движения (удовлетворение потребностей эмпирических трудящихся) стала возможной благодаря частичному преодолению капиталистического способа производства, достигнутому в итоге революционных движений начала XX века, т.е. в обнаружении того факта, что цель социалистического движения на практике уже есть *кое-что*.

Динамика превращенных форм капитализма в XX – начале XXI века

Ленин оказался прав в том, что с капитализмом свободной конкуренции было покончено навсегда. Вызвав к жизни революционные производительные силы, он не справился с ними и, в условиях непрекращающихся мировых и локальных войн, подчинился революционному и реформистскому движению промышленного пролетариата, приспособился к потребностям индустриальных трудящихся. Это произошло в первые десятилетия XX столетия в результате *структурной перестройки* или следующего *превращения*, принявшего вид *мировой социальной революции*. Ее общественным итогом стало «социальное государство» («Sozialstaat», «welfare state»).

Данное понятие, рожденное в лоне гегельянства (оно предложено немецким гегельянцем Л. фон Штейном в 1850 году), не отражает сути обозначаемого феномена и нуждается в уточнении. Тождество государственных и общественных интересов, подразумеваемое им, является результатом предыдущей классовой

борьбы и скрывает противоречия не только между классами, но и между государством и гражданским обществом. Стоит отметить, что любое государство по своим истокам и условиям существования *социально*. Поэтому нет смысла противопоставлять по критерию социальности одно государство другому. «Социальное государство» – это не характеристика государственности самой по себе, а название особой *социальной политики* правящих слоев, направленной на регулирование рынка с целью повышения стоимости совокупной рабочей силы. Это – инструмент управления гражданским обществом, а не субъект управления. В качестве инструмента управления оно может использоваться при разных режимах и экономических моделях. Социальный субъект, создающий «социальное государство» и его разрушающий, может быть одним и тем же.

От Ленина берет начало традиция сводить «социальное государство» к «подкупу» рабочего класса, на который идут правящие круги, чтобы не допустить революцию [Ленин 1969, 423]. Данное утверждение верно, если речь идет лишь о благотворительности, не изменяющей ничего в самом существе общественных связей. Но в середине XX столетия колоссальные масштабы подобных «подачек» стали симптомом деформации капитализма. Они обозначили накопление его дисфункции как конкретного способа производства: в обществе произошло *частичное* замещение стихийных рыночных связей *механизмами сознательного опосредования общественных отношений*. Рыночная стихия отступила, возросло значение *сознательного элемента* в общественном управлении, увеличилась роль планирования и прогнозирования, рынок стал *управляемым* экономическими, политическими, административно-правовыми и культурными рычагами.

На этой основе сложилась система *перераспределения* общественного продукта. Она включает в себя разные формы *неэкономической оплаты* совокупной рабочей силы в виде социальных программ и «бесплатных» социальных услуг. Причиной роста жизненного уровня трудящихся стало не просто ограбление колоний (на этом делает акцент Ленин). Грабить их буржуазия способна и не делясь с пролетариатом. Причиной преодоления абсолютного обнищания рабочего класса в «развитых» капиталистических странах стало ограничение, *незавершенное отрицание* частной собственности и рынка в форме государственного управления. На этой основе были созданы институты социально ориен-

тированного перераспределения. В процессе их работы промышленный пролетариат интегрируется в чиновничье-буржуазную экономическую и политическую систему общественных связей, становится, по словам Маркса, «центром накопления капитала», «в результате чего стирается его определенность как рабочего» [Маркс 1968, 233–234]. Социально ориентированное перераспределение характеризуется как частичное обобществление общественного продукта. Наблюдается не филантропия, имеющая временный, ограниченный, «индивидуально адресный» характер, а *системное* социально адресное перераспределение.

Вследствие произошедших изменений подразумевается, что общество пронизано иерархическими связями, на верхушке которых находится бюрократическая корпорация, точнее, *высшая политическая бюрократия* («гранбюрократия» [Колташов 2020] или «техноструктура» [Гэлбрейт 2004]), в симбиозе с различными группами крупного капитала: то с промышленным капиталом, то с финансовым. Нередко она действует и самостоятельно, без оглядок на капитал, поглощая его, как это было в СССР и социально родственных ему странах, или дистанцируясь от него, как происходило в 2020 году в России. Она воплощает монополию политического управления гражданским обществом в духе «бонапартизма», только ставшего *системным*, играя роль «разводящего» в отношениях гражданских корпораций. Ее преимущество перед буржуазией состоит в наименьшей зависимости от рыночной стихии, потому что ее благосостояние зависит не от прибавочной стоимости, а от бюрократической *ренды*, условием которой является *политическая монополия*. Тем самым она исходит из задач и интересов управления, а не прибыли, что служит причиной наличия у нее большей, по сравнению с буржуазией, экономической, политической и идеологической рациональности, гибкости и маневренности. Последние позволяют ей проводить такую политику, которая может идти вразрез с интересами капитала.

В конце своей работы 1916 года Ленин цитирует Г. Шульце-Геверница, который, в свою очередь, приводит слова А. Сен-Симона: «Теперьшняя анархия в производстве... должна уступить место организации производства... Это дело будет находиться в руках известного социального учреждения. Центральный комитет управления, имеющий возможность обозревать широкую область социальной экономии с более высокой точки зрения,

будет регулировать ее так, как это полезно для всего общества» [Ленин 1969, 426]. Ленин упрекает Шульце-Геверница в том, что тот предпочитает Сен-Симона Марксу. Но следует заметить, что Ленин не ставит под сомнение описанную французским мыслителем тенденцию, называя мысль о ней «гениальной догадкой» [Ленин 1969, 426]. *Центральный комитет управления*, о котором пишет Сен-Симон, и есть *высшая политическая бюрократия*, возникающая из описанного Лениным процесса *формального обобществления*, проводимого монополиями в рамках капиталистического производства.

Для более полного представления об исследуемых проблемах нельзя не уточнить, что «гранбюрократия» господствует не только в рамках национальных государств, но и на международном уровне, где она проявляется в политических институтах (например, ООН), регулирующих международные отношения. Особенно они достигли своего развития и расширили влияние, вплоть до бесцеремонного вторжения в экономику, политику и культуру суверенных государств, в неолиберальную эпоху. Речь идет, в частности, о Международном валютном фонде, Всемирной торговой организации, Всемирном банке. Можно утверждать, что неолиберальная глобализация привела к господству международной «гранбюрократии».

Допускаем мысль о том, что сбылось пророчество К. Каутского: «“С чисто экономической точки зрения невозможно, что капитализм переживет еще одну новую фазу, перенесение политики картелей на внешнюю политику, фазу ультраимпериализма”, т.е. сверхимпериализма, объединения империализмов всего мира, а не борьбы их, фазу прекращения войн при капитализме, фазу “общей эксплуатации мира интернационально-объединенным финансовым капиталом”» (цит. по: [Ленин 1969, 391]). В аспекте завершенной формы этого не случилось, и Ленин, не принявший такую идею Каутского, оказался прав. Но как макросоциальная тенденция, препятствующая мировым войнам, «гранбюрократический ультраимпериализм» существует с середины XX века и до настоящего времени. Подобные институты, с нашей точки зрения, появились как ответ на две мировые войны, на угрозу ядерной катастрофы, на острую классовую борьбу промышленной эпохи. Об этом мог бы в защиту своей идеи упомянуть Каутский в полемике с Лениным, но в начале XX столетия он не мог этого сделать.

Речь идет о *переходном* общественном состоянии, выходящем, хотя бы отчасти, за пределы капиталистического способа производства, о *превращении* последнего. Поэтому вполне обосновано в данном случае упомянуть о *социализме*, точнее, об определенной его стадии. Задача состоит только в том, чтобы определить, о каком социализме в этой связи можно говорить, не оставляя почву марксизма. Не стоит забывать о том, что Маркс и Энгельс в «Манифесте» выделяют виды социализма, отличные от «первой стадии коммунизма»: «реакционный», «феодалный», «мелкобуржуазный» и даже «буржуазный» [Маркс, Энгельс 1955, 448–453].

Итак, описано еще не социалистическое *общество*, но уже социализм *институализированный*, представленный в виде государственных учреждений и лишь в сфере перераспределения производимых обществом продуктов в пользу тех, кто их производит. Это – состояние общественной перераспределительной системы, когда она выполняет задачу повышения совокупной стоимости рабочей силы, обеспечивая расширенное воспроизводство личностей трудящихся и освоение ими общественного богатства. Это – непосредственная институализация *незавершенного процесса отрицания капитала и рынка*. Или это – *распределительный социализм* в духе проектов сенсимонистов и прудонистов, социализм *паллиативный*. И, поскольку он заключается в интеграции рабочего класса в систему консьюмеризма, – социализм *мелкобуржуазный* и *мещанский*, чья противоречивая природа раскрыта Марксом [Маркс 2010, 364–365]. Тем не менее это – именно *социализм*, который таит в себе перспективу некапиталистического общественного развития. Не частный интерес собственников и не возможности их капиталов определяют спрос и потребление, а совокупные финансовые возможности и потребности трудящихся, превращенных в центр накопления капитала. Поэтому в данном случае реализована *экономическая диктатура пролетариата*, но такого пролетариата, чья самодеятельность не выходит за рамки экономических («мелкобуржуазных», «мещанских», «потребительских») требований. Иначе говоря, это то, что Маркс назвал политэкономией (т.е. буржуазной наукой, буржуазным проектом) рабочего класса.

В экономической ситуации 40-х – 50-х годов экономическая диктатура пролетариата капиталистам была выгодна: они получили массового покупателя своих товаров, получателя кредитов и социальную стабильность. Кроме того, очевидна и политическая

выгода: чересчур идейные левые оказались нейтрализованы. Продолжая бороться «против капитализма», они боролись уже против социальной повестки, монополизированной государством, и против рабочего класса. В условиях «социального государства» началась трансформация классово-природы левых партий и профсоюзов: из классовых организаций они превращались в организации сугубо номенклатурные, имеющие собственные цели (отличные от целей эмпирического пролетариата) и логику развития и смотрящие на социальные низы лишь как на объект управления.

Классовая структура капитализма подверглась *превращению*: зависимость друг от друга буржуазии и рабочего класса ослабла, но усилилась их зависимость от государства. Возник массовый феномен *классовой полифонии*, когда один и тот же человек мог иметь разные источники дохода и, соответственно, выполнять разные классовые роли. Например, наемный рабочий, трудящийся на частном промышленном предприятии, мог иметь счет в банке (быть рантье), обладая садовым участком, продавать урожай или заниматься извозом на собственном автомобиле (выступать в роли мелкого буржуа/парцеллярного крестьянина), пользоваться различными государственными «бесплатными» услугами (находиться в ситуации административной зависимости) и т.д. В данном обществе отношения найма и извлечения прибавочной стоимости («классический» капитализм) переплетаются или даже вытесняются отношениями бюрократической ренты и административной зависимости (клиентелы). Рабочий класс, продолжая быть классом производителей, одновременно оказывался классом собственников и классом потребителей. *Частная собственность стала всеобщей* [Маркс 1974, 114], всеобщим стало и сознание частных собственников [Маркс 1974, 114; Коряковцев, Вискунов 2017, 605–606].

По утверждению Маркса, рабочий класс существует, только *самостоятельно борясь* против капитала, без этой борьбы он лишь его придаток [Маркс 1955а, 54]. И он *обладает революционностью, только если он политически самостоятелен, он самостоятелен, только если он революционен* [Маркс, Энгельс 1955б, 437]. С учетом этой логики во второй половине XX века, в условиях «социального государства» «западного» или советского типа, произошло первое, *духовное, самоуничтожение* революционного рабочего класса. Приведенный факт зафиксирован в двух классических исследованиях эпохи. Среди них – «*Adieux au prolétariat*» А. Горца и «*Одномерный человек*» Г. Маркузе.

Возникновение «общества без оппозиции» (Г. Маркузе) обусловило очередное превращение капитализма. Вспомним рисунок Маленького принца, героя одноименной повести-сказки А. де Сент-Экзюпери. Удав, проглотивший слона, принимает форму последнего. Подобное произошло и в отношении капитализма: уничтожив революционный рабочий класс, он вынужденно изменился, «социализировался». Капиталистический способ производства с его чередой кризисов и сопутствующими трудностями не исчез, не стал гуманнее. Но над ним стали доминировать механизмы сознательного опосредования социальных связей в виде правового регулирования («западный» вариант) или плана (советский вариант), а в дополнение к ним – институты социально ориентированного перераспределения. Это означало *политическое поражение гражданской буржуазии* и эмансипацию, но не рабочего класса, у которого не появилась потребность после восьмичасового рабочего дня управлять производством, а *высшей политической бюрократии*.

На современном этапе примеры революционной самостоятельности рабочего класса отсутствуют. При этом благодаря системе межклассового компромисса исчезла массовая нищета, что впервые произошло в истории стран Европы, Азии и Северной Америки. Если рассматривать цель пролетарской революции не как реализацию абстрактных лозунгов, а как создание таких общественных условий, при которых удовлетворялись бы потребности эмпирического рабочего класса, то очевиден тот факт, что данная цель достигнута. Промышленный пролетариат отказался от дальнейшей борьбы не потому, что потерпел поражение, а потому, что *победил*, но так, как только мог победить в условиях промышленного производства: заставил буржуазию и высшую бюрократию создать систему социально ориентированного перераспределения и одновременно обратил эту систему на пользу трудящихся. В итоге социальные низы в ранее не виданных в истории масштабах получили возможность осваивать предмет культуры и самостоятельно создавать его. Любой класс заканчивает свою социальную эмансипацию освоением культуры свергнутого класса. В частности, французская буржуазия подражала дворянам в эпоху Реставрации. Трудящиеся середины XX века освоили буржуазную культуру потребления. Результатом этого стала «массовая культура» – культура *буржуазного пролетариата*.

Так закономерно раскрылась противоречивая социальная природа рабочего класса индустриальной эпохи: *он способен противостоять капиталу, но не способен противостоять самому себе как источнику капитала.*

Полагаем, если в обществе отсутствует революционный класс, если многочисленные попытки левых энтузиастов организовать по примеру Ленина партию как «авангард трудящихся» постоянно терпят крах, поскольку созданные политические организации либо остаются немногочисленными сектами, либо встраиваются в господствующие политические структуры в качестве «системных партий» (в России и мире в целом), то общество способно развиваться лишь за счет противоречий *внутри господствующего класса.*

Антагонизм противостоящих классов в таком обществе воспроизводится. Но он выходит на поверхность социальной жизни не в виде борьбы правящего класса и социальной силы, представляющей практическую альтернативу его господству, а, поскольку подобная альтернатива практически отсутствует, в виде таких форм политического противостояния, которые являются по своей сути лишь специфической формой *классового партнерства.* Основное противоречие капитализма, т.е. противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения, в данном обществе сохраняет значение. Однако острота его проявлений угасает ввиду стабильно удовлетворяемых базовых потребностей трудящихся либо по причине их идеологических иллюзий. Кроме того, неэкономическая оплата совокупной рабочей силы означает, что ее носители находятся в административно-правовой зависимости от государства. Таким образом, в данном обществе на противоречие между трудом и капиталом накладывается противоречие между управляемыми гражданами и высшей политической бюрократией. Классовый конфликт между трудом и капиталом не выражается непосредственно, как при либеральной модели капитализма, он дополняется и опосредуется конфликтом между гражданским обществом и государством. Двойное противоречие при стабильно работающей социально ориентированной системе перераспределения и в условиях преобладания массового потребительского сознания сообщает такой общественной модели исключительную стабильность. Монополия власти уравнивается превращением трудящихся в бюрократическую клиентелу.

Уязвимость национального «социального государства» наблюдается в ином – в степени доступности ресурсов. Расцвет социально ориентированных перераспределительных практик, в особенности на Западе, приходится на первые послевоенные десятилетия, когда природные ресурсы были относительно дешевы. Они критически дорожают вследствие краха колониальной системы в середине XX века и последующего становления независимых государств, каждое из которых воспользовалось правом распоряжаться ими в своих интересах при неослабевающем росте их мирового массового спроса. Подобное, например, произошло в 1973 году и обусловило крупнейший в истории энергетический кризис [Ергин 2011]. Несколько волн кризисов перепроизводства в последующее десятилетие окончательно обескровили «социальное государство». Рецепт выхода из кризисной ситуации стал *неолиберализм*.

Пришедшие к власти в 70–80-х годах в западных странах неолиберальные правительства представляли собой симбиоз финансового капитала и высшей бюрократии при ведущей роли первого [Харви 2007, 48; Шенэ 2017]. Они декларировали возврат к «свободному рынку» и «либеральным ценностям», но эти лозунги они осуществили в соответствии со своими специфическими социально-политическими и социально-экономическими возможностями и целями. Доктрина «свободного рынка» означает приоритет прибыли над «социальной ответственностью бизнеса», даже за счет национальных интересов. В новых условиях это делало необходимым удешевить национальную рабочую силу. Но удешевить ее мгновенно было невозможно, не вызвав грандиозного социального взрыва. Поэтому к вывозу товаров и капиталов добавили вывоз производств и технологий в страны с более дешевой рабочей силой. Это привело к ликвидации целых отраслей национальной промышленности, сокращению национального индустриального пролетариата [Харви 2007, 86]. Новые отряды рабочего класса ввиду их меньшей концентрации, неорганизованности и идейной дезориентации не представляли уже для капитала опасности. Неолиберальная политика правительств была поддержана многими профсоюзами, а также мелкой и средней буржуазией, которую в новых экономических условиях стало тяготить налоговое бремя [Харви 2007, 58–87].

Неолиберальная попытка буржуазной реставрации победила не благодаря заслугам капиталистов перед обществом (идеологи

капитализма отрицают эти заслуги, провозглашая безусловную ценность частного интереса, а не общественного), а благодаря тому, что пролетариат в предыдущую эпоху стал буржуазным мировоззренчески и психологически.

Итак, промышленный рабочий класс капиталистического «ядра» был уничтожен второй раз в новейшей истории, но уже вместе со своей *материальной основой*, средствами производства, которые были экспортированы в страны третьего мира. Власть и собственность имущие получили возможность сократить объемы общественного продукта, перераспределяемого в пользу трудящихся. «Золотая эпоха» *welfare state* завершилась.

Казалось бы, капиталистический мир пережил *реставрацию* и вернулся к своей либеральной модели, некролог которой писал Ленин в 1916 году. Однако на практике неолиберальные правительства сохранили механизмы, регулирующие рынок, лишь переориентировав их от удовлетворения общественных потребностей к удовлетворению интересов финансового капитала и высших эшелонов государственной бюрократии [Харви 2007, 58–89; Шенэ 2017]. Политико-административные связи господствовали по-прежнему над связями экономическими (особенно в России, где преобладает бюрократическая рента в виде специфической «экономики откатов»). Ни в одной стране (кроме США) *гражданская* буржуазия не возвратилась к политическому господству, а экономика – к домонополистическому состоянию. «Социальное государство» *институционально, формально* сохранилось. Практически повсеместно остались важнейшие социальные завоевания революционной эпохи: восьмичасовой рабочий день, пособия по безработице, больничные бюллетени, отпуска, частично – «бесплатные» здравоохранение и образование и др. Сократился лишь объем перераспределяемого в пользу трудящихся общественного продукта, т.е. снизилась стоимость совокупной рабочей силы. Неолиберализм с точки зрения собственных задач остался идеологией, «политикой, основанной на вере» [Стедмен-Джоунз 2017, 401], так и не реализовался на практике, *последовательно* реанимирующей «доимпериалистическую» модель [Харви 2007, 31]. Вместе с тем он доказал практически, что возврат к свободному рынку и безраздельной власти *гражданской буржуазии* не только общественно опасен, но уже невозможен, утопичен. Капиталистический способ производства в данной социально-экономической модели воспроизвелся, но в

качестве *уклада*, управляемого политико-правовыми инстанциями. С учетом изложенного, полагаем, что Ленин оказался *прав* в своем понимании империализма как завершения восходящего капиталистического развития.

Итак, после эпохи Ленина капитализм продолжал существовать в «подавленном» или *превращенном* виде. Совокупность превращений, деформирующих капиталистический способ производства, составила его *системный* кризис, который нужно отличать от *структурного*. Последний преодолевается самим капитализмом. Он есть симптом его нормального развития и воспроизводства. Первый свидетельствует о том, что в собственных недрах капитализма начинают зарождаться новые социальные отношения. Такие отношения проявляются в процессах обобществления, которые при индустриальном производстве имеют еще *формальный* характер.

В развитии капиталистического способа производства необходимо различать две фазы: *восходящую* и *нисходящую*. Восходящая фаза представляет собой его рост и расцвет, нисходящая – *системный кризис* целостной системы общественных отношений. Если в *первой* только зрела общественная потребность в превращении капитализма (в экономических и политических кризисах-революциях), то *вторая* связана с утверждением его *превращенных форм* – форм его разложения. Если в *первой* буржуазия пыталась побороть описанную Марксом тенденцию нормы прибыли к понижению, делая капитал эффективным за счет расширения рынков и ухудшения уровня жизни трудящихся, то во *второй* мировая экономическая система развивалась в условиях относительной стабилизации нормы прибыли: либо в форме ее *максимизации*, как в западных госкорпорациях или ТНК [Гэлбрейт 2004], либо в форме ее *минимизации* посредством государственного регулирования рынком и общественным спросом, как в советском обществе, представлявшем собой лишь другой вариант *превращения капиталистической системы* (но не капитализм как таковой, даже не «государственный»). Если к признакам *восходящей* фазы относятся экономические трудности для тех, кто лишен собственности на средства производства, в результате чего «низы не хотят жить, как прежде» [Ленин 1973, 300], то в числе признаков *нисходящей* фазы – экономические и политические трудности для капиталистов. Эти трудности связаны с тем, что собственники в изменившихся условиях «не могут хозяйничать и

управлять, как прежде» [Ленин 1973, 300]. Именно нестабильность рынков, появление новых отраслей производства и технологий, отсутствие спроса с учетом массовой неплатежеспособности, экономическая и политическая борьба промышленного рабочего класса заставили буржуазию в середине XX столетия принять кейнсианскую стратегию, повышающую стоимость совокупной рабочей силы, а значит, согласиться с ведущей экономической ролью *высшей бюрократии*.

Революционная ситуация была вызвана рядом социальных процессов. Их наложение друг на друга обусловило мировой революционный катаклизм первой половины XX века. Правящим кругам стало ясно, что преодолеть *структурный кризис* капитализма возможно, если углублять его *системную перестройку*, поддерживать его благодаря институтам «социального государства». При полном соответствии марксистской теории оказалось, что капитализм создает собственное самоотрицание, и не только в виде класса, но уже и в виде институтов. Это происходит не тогда, когда он плодит нищету, а тогда, когда он ее *преодолевает*, создавая условия личностного роста трудящихся. Размышления Маркса о *непосредственно-общественном содержании*, производимом капитализмом, как предпосылке антикапиталистического переворота [Маркс 1960, 772; Маркс 1968, 228–229], *дополняют* и *усложняют* схемы Манифеста Коммунистической партии.

Особенности современного кризиса

В контексте темы нашей статьи нельзя не вспомнить известные слова Ленина о том, что неравномерное экономическое развитие есть коренное, неизбежное условие и предпосылка капиталистического способа производства [Ленин 1969, 359–360]. Принято считать постсоветский мир капиталистической «периферией», а капиталистическим «центром» – старые буржуазные державы, даже не ставя вопрос о разнице их общественных отношений. Учение о «периферийности» российского капитализма [Кагарлицкий 2011; Кагарлицкий 2016а] препятствует пониманию специфики российского общества и послевоенного мирового развития в целом. Поскольку капиталистические общества существуют повсеместно, выходит, что смена «периферии» на «центр» означает лишь дальнейший рост капиталистической экономики в странах «периферии».

Однако в условиях затянувшегося экономического кризиса нет оснований говорить о росте экономики в мире. Кризис и его проявления стали результатом господства в мировой экономике высшей политической бюрократии, находящейся в симбиозе с финансовой олигархией и торгово-спекулятивным капиталом. Справедлива, полагаем, возникшая точка зрения, согласно которой современный кризис – это кризис не столько капитализма как такового, сколько его неолиберальной модели [Кагарлицкий 2016б, 35]. Сомнения вызывает лишь тезис о том, что преодоление неолиберализма непосредственно связано с восстановлением системы социально ориентированного перераспределения.

В середине XX столетия эта система возникла и пережила лучшие годы на волне рабочего движения, в результате политического и экономического взаимодействия профсоюзов, левых партий, буржуазных кругов и высшей бюрократии. В начале второго десятилетия XXI века общественная ситуация не оставляет надежд на подобное сотрудничество. Своеобразие продолжающегося мирового общественного кризиса состоит в том, что он характеризуется и как кризис собственно капиталистического способа производства, и как кризис сил, борющихся против него. В мире, как нам представляется, разворачивается кризис революционного движения буржуазной эпохи в лице его идеологий, социальных сил, проектов общественного преобразования и его объективных итогов (прежде всего тех, которые относят к своим заслугам либерализм, социал-демократия и политический коммунизм, следовательно, имеется в виду их кризис идеологий и политических практик). Существующие три кризиса – кризис неолиберализма (*структурный*), кризис капиталистического способа производства и кризис буржуазного общества как кризис антикапиталистических общественных движений (два последних образуют *системный кризис*) – взаимно дополняют и взаимно определяют друг друга. Современный кризис *трехглав* и напоминает сказочного дракона. Это объясняет затяжной характер кризисных явлений, открывает перспективы их развития и возможный исход.

Таким образом, наблюдается кризис не только глобальный в аспекте широты географического распространения, но и, самое главное, *всеобщий* по степени охвата вглубь социальной структуры современного капитализма, затрагивающий капиталистический способ производства и со стороны капитала или его отдельных форм, и со стороны *труда* как социального источника

капитала. Степень остроты противоречия между трудом и капиталом в данном случае снижается ввиду слабости враждующих сторон и их взаимной поддержки. Это находит отражение в институализированных политических и экономических компромиссах. Преодоление *структурного* кризиса капитализма освобождает дорогу общественным симптомам его *системного* кризиса. В обществе действуют социальные силы, которые могут преодолеть особо деструктивные состояния капиталистической системы. Но отсутствуют силы, способные преодолеть *капитализм* как таковой, *рынок* как таковой, *частную собственность* как таковую. Только на этом основании можно сделать вывод, что существует *системный* кризис капиталистического способа производства, на который накладывается очередной *структурный* кризис.

В тупиковой, казалось бы, ситуации система социально ориентированного перераспределения не может возродиться в полном объеме без революционного рабочего класса, а его материальная база, промышленность, разрушена. Можно утверждать, что на революционном календаре сегодня снова – начало XIX века: до самостоятельных выступлений рабочего класса далеко, хотя и случаются всплески народного гнева, всплески, которые порой оборачиваются против интересов протестующих. Представляется, что реставрация на излете, но у пролетариата нет ни собственной организации, ни собственной программы, ни собственной воли, а вожди ему не нужны.

Однако история не знает абсолютных тупиков. Затяжной характер современного экономического кризиса, начавшиеся на его фоне экономические и «гибридные» войны между странами капиталистического «ядра», КНР и Россией, пытающейся реанимировать интеграцию постсоветского мира, заставляют изменить экономическую политику. В этих условиях вряд ли победит тот, кто не способен развивать национальную промышленность, способствовать протекционизму, расширять вывоз товаров, а на своем рынке замещать импорт. Неолиберальная стратегия глобальной свободной торговли этому препятствует. В качестве необходимой наметилась смена моделей экономического развития на *неомеркантилистскую* [Коряковцев, Колташов 2019].

Условием перехода к ней является смена господствующих социальных субъектов: симбиоз высшей бюрократии с промышленным капиталом при безусловной ведущей роли первой, но ценой оттеснения на вторые роли финансово-спекулятивного

капитала, заинтересованного в продолжении неолиберальной политики. Конфликт интересов в этом случае, по нашему мнению, неизбежен. Внешне данная ситуация может выглядеть как противостояние неомеркантилистской «революции сверху» и леволиберальной «революции снизу», на деле представляющее собой *неолиберальный реванш* финансовой олигархии, опирающейся на зависящую от нее часть гражданского общества.

Социалистическая тенденция при этом не просматривается. Тем не менее неомеркантилистским поворотом отличается прогрессивная тенденция, состоящая в том, что развитие национальной промышленности увеличивает численность рабочего класса, усиливает зависимость от него буржуазии и бюрократии. «Верхи» под давлением внешних и внутренних угроз снова оказываются перед необходимостью перезапустить механизм «социального государства», причем в больших масштабах, чем в неолиберальную эпоху. Это может происходить и без заметного давления снизу. Подобный отход от неолиберализма наблюдается в России, что вызвано неблагоприятными внешнеполитическими и экономическими условиями транзита власти.

Вместе с тем эта тенденция способна возродить лишь «буржуазное», потребительское состояние трудящихся, «мещанское» царство «социального государства» и «управляемой демократии». Попытки левых энтузиастов и номенклатуры левых партий разорвать замкнутый круг бесплодны потому, что они в данных условиях, с точки зрения буржуазного рабочего класса, сродни борьбе против общественно необходимых социальных реформ.

Революционность порождает не нищета. *Нищета буржуазна*, а истина нищеты – это и есть «мещанское» «социальное государство». Социалистическую революцию в ее последовательном виде порождают развитые, но неудовлетворенные потребности индивидов. Неомеркантилистское возрождение промышленности накормит *это* поколение рабочего класса. Но *следующее* поколение потребует большего, относясь к достигнутому уровню как к должному. Это будет происходить до тех пор, пока не появится поколение людей, которое потребует действительного богатства, а не еду, не одежду, не комфортабельное жилье, не авто и даже не материнский капитал в размере ипотеки (не потому, что это поколение будет аскетичным, а потому, что это все у него уже *есть*). Согласно Марксу, «действительным богатством является развитая производительная сила всех индивидов. Тогда мерой

богатства будет отнюдь уже не рабочее время, а свободное время» [Маркс 1969, 129]. Только это способно привести к преодолению капиталистических отношений как таковых.

В условиях «социального государства», необходимость которого неизбежно формируется при нынешнем состоянии производительных сил, происходит развитие человеческих потребностей. Со временем будет обнаружено, что потребности трудящихся не укладываются в лоно «базового дохода» или вэлфера, поскольку обладание ими обеспечивает лишь *принудительный труд* (означающий отсутствие *свободного времени*). Поэтому они остаются недостаточными. К тому же при любых объемах капиталов экономическая целесообразность довлеет над собственником, независимо от того, осознает он этот факт или не осознает. «Отчуждение» распространяется на всех [Маркс 174, 99]. Капиталист и пролетарий в своем личностном развитии, выходя за рамки экономической целесообразности, идут навстречу друг другу. Оба становятся *коммунистами* – если не в политическом, то в экзистенциальном смысле. Речь идет не об утопии. Революционерами, как правило, становились выходцы из высших классов.

Таким образом, можно констатировать, что в современном обществе «подавленного» капитализма накапливается некое «универсальное» [Маркс 1968, 228] содержание. Иными словами, накапливаются общественные связи, выходящие за рамки капиталистического способа производства.

Однако данная перспектива заставляет признать, что прежняя «пролетарская теодицея», равно как и вера в рыночный прогрессизм, исчерпали консолидирующие возможности. Идеология классового эгоизма уходит в прошлое вместе с *национальным «социальным государством»*. Поскольку мировой капитализм возвращается в национальные пределы при дискредитации неолиберального глобализма, противостоять этой тенденции, полагаем, в будущем сможет только глобализированное «социальное государство» как эмпирическая цель глобализированного движения трудящихся, самостоятельного и относительно буржуазии, и относительно своих партийных организаций. В век интернета и всеобщей грамотности подобный процесс вполне возможен. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» может стать снова актуальным с учетом политической и идейной самостоятельности пролетариев, но лишь в буквальном понимании объединения пролетариев, а не профсоюзной и партийной бюрократии.

Заключение

С точки зрения собственной логики классического марксизма и доступных фактов Маркс и Ленин в своих концепциях вполне убедительны. Со временем траектория развития капитализма изменилась и, кажется, что общественные законы, описанные ими, были нарушены. Возникает вопрос о том, какие факторы стали причиной затяжного характера системного кризиса капитализма. Ответить на него возможно, оставаясь в рамках марксистской методологии, но используя такие приемы, которые позволили бы разглядеть ранее невидимое с учетом появившегося нового материала для анализа.

Во-первых, следует обратить внимание на массовое обуржуазивание промышленного рабочего класса, ставшего условием его интеграции в систему буржуазного консьюмеризма. Во-вторых, монополия, вырастающая как аппендикс на теле капиталистического способа производства, в зародыше содержит не экономические [Ленин 1969, 362–363], а силовые, политико-административные, бюрократические и иные общественные отношения. В условиях мировой революции и мировых войн первой половины XX века формируется система господства высшей политической бюрократии или *системный бонапартизм*. Перечисленные факторы, определившие развитие капитализма в XX веке и определяющие его в XXI столетии, были подмечены Лениным в самом зародыше.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Голдберг 2012 – *Голдберг Дж.* Либеральный фашизм. – М.: Рид Групп, 2012.

Гэлбрейт 2004 – *Гэлбрейт Д.* Новое индустриальное общество. – М.: АСТ, Транзиткнига; СПб.: Terra Fantastica, 2004.

Ергин 2011 – *Ергин Д.* Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. – М.: Альпина Паблишер, 2011.

Кагарлицкий 2011 – *Кагарлицкий Б.Ю.* Реставрация в России. – М.: Эдиториал УРСС, 2011.

Кагарлицкий 2016а – *Кагарлицкий Б.Ю.* Периферийная империя. Россия и миросистема. – М.: ЛЕНАНД, 2016.

Кагарлицкий 2016б – *Кагарлицкий Б.Ю.* Кризис капитализма или кризис неолиберализма? // Политэкономика кризиса. От неолиберальной экономической модели к новому социальному государству / под ред. Р.С. Дзарасова, Б.Ю. Кагарлицкого, А.В. Очкиной. – М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. С. 13–40.

Колташов 2019 – *Колташов В.Г.* Капитализм кризисов и революций: как сменяются формационные эпохи, рождаются длинные волны, умирают реставрации и наступает неомеркантилизм. – М.: РУСАЙНС, 2019.

Колташов 2020 – *Колташов В.Г.* Посткризисная эпоха социальных реформ: какие изменения диктует природа большого кризиса 2008–2020 гг. // Труд и социальные отношения. 2020. № 2. С. 15–24.

Коряковцев, Вискунов 2017 – *Коряковцев А., Вискунов С.* Марксизм и полифония разумов: драма философских идей в 18 главах с эпилогом: монография. – М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017.

Коряковцев, Колташов 2019 – *Коряковцев А., Колташов В.* Новейший поворот в мировой экономике // Эксперт. Урал. 2019. № 23 (799). С. 32.

Ленин 1968 – *Ленин В.И.* Заметки публициста // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 19. – М.: Политиздат, 1968. С. 239–304.

Ленин 1969 – *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 27. – М.: Политиздат, 1969. С. 299–426.

Ленин 1973 – *Ленин В.И.* Маевка революционного пролетариата // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 23. – М.: Политиздат, 1973. С. 300.

Мамардашвили 1970 – *Мамардашвили М.* Форма превращённая // *Философская энциклопедия*: в 5 т. Т. 5. – М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 386–389.

Манчук 2017 – *Манчук А.* Украина. Анатомия катастрофы. – М.: Алгоритм, 2017.

Маркс 1959 – *Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие // *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Сочинения: в 50 т. Т. 13. – М.: Политиздат, 1959. С. 1–167.

Маркс 1960 – *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Сочинения: в 50 т. Т. 23. – М.: Политиздат, 1960.

Маркс 1968 – *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов. Ч. 1 // *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Сочинения: в 50 т. Т. 46. Ч. I. – М.: Политиздат, 1968. С. 1–265.

Маркс 1969 – *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов. Ч. 2 // *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Сочинения: в 50 т. Т. 46. Ч. II. – М.: Политиздат, 1969. С. 1–210.

Маркс 1974 – *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Сочинения: в 50 т. Т. 42. – М.: Политиздат, 1974. С. 41–174.

Маркс 2010 – *Маркс К.* Заметки по поводу книги Дж. Милля // *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. и другие ранние философские работы. – М.: Академический проект. С. 359–384.

Маркс, Энгельс 1955а – *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Сочинения: в 50 т. Т. 3. – М.: Политиздат, 1955. С. 7–544.

Маркс, Энгельс 1955б. – Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. Т. 4. – М.: Политиздат, 1955. С. 419–459.

Стедмен-Джоунз 2017 – *Стедмен-Джоунз Д.* Рождение неолиберальной политики. От Хайека и Фридмена до Рейгана и Тэтчер. – М., Челябинск: Социум; Мысль, 2017.

Харви 2007 – *Харви Д.* Краткая история неолиберализма. – М.: Поколение, 2007.

Хоркхаймер 2011 – *Хоркхаймер М.* Затмение разума. К критике инструментального разума. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2011.

Шенэ 2017 – *Шенэ М.* Перманентный кризис. Рост финансовой аристократии и поражение демократии. – М.: ИД Высшей школы экономики, 2017.

REFERENCES

Chesney M. (2016) *De la grande Guerre à la crise permanente: La montée en puissance de l'aristocratie financière et l'échec de la démocratie.* Lausanne: Presses polytechniques et universitaires romandes (Russian translation: Moscow: The Higher School of Economics Publishing House).

Galbraith J. (1967) *The New Industrial State.* Boston, MA: Houghton Mifflin (Russian translation: Moscow: AST; Saint Petersburg: Terra Fantastica, 2004).

Goldberg J. (2009, January 8) *Liberal Fascism.* New York City: Doubleday (Russian translation: Moscow: Rid Grupp, 2012).

Harvey D. (2005) *A Brief History of Neoliberalism.* Oxford: Oxford University Press (Russian translation: Moscow: Pokolenie, 2007).

Hilferding R. (1910) *Finance Capital. A Study of the Latest Phase of Capitalist Development.* Vienna, Wiener Volksbuchhandlung (Russian translation: Moscow: Librokom, 2011).

Horkheimer M. (1947) *Eclipse of Reason. Critique of Instrumental Reason.* Oxford: Oxford University Press (Russian translation: Moscow: Kanon+, 2011).

Kagarlitsky B. (2011) *Restoration in Russia.* Moscow: URSS (in Russian).

Kagarlitsky B. (2016a) *Empire of the Periphery: Russia and the World System.* Moscow: LENAND (in Russian).

Kagarlitsky B. (2016b) Crisis of Capitalism or Crisis of Neoliberalism? In: Dzarasov R.S., Kagarlitsky B. & Ochkina A.V. (Eds.) *Political Economy of Crisis. From Neoliberal Economy Model to the New Social State* (pp.13–40). Moscow: Plekhanov Russian University of Economics (in Russian).

Koltashov V.G. (2019) *Capitalism Crises and Revolutions: How Formation Eras Change, Long Waves are Born, Restorations Die and Neo-Mercantilism Sets in.* Moscow: RUSAYNS (in Russian).

Koltashov V.G. (2020) Post-crisis Era of Social Reforms: What Changes Does the Nature of the Great 2008–2020 Crisis Dictate? *Trus i sotsial'nye otnosheniya*. No. 2, pp. 15–24 (in Russian).

Koryakovtsev A. & Koltashov V. (2019) The latest turn in the global economy. *Expert. Ural*. No. 23 (799), p. 32 (in Russian).

Koryakovtsev A. & Viskunov S. (2017) *Marxism and the Polyphony of Rationalities*. Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy (in Russian).

Lenin V.I. (1968) Notes of a Publicist. In: Lenin V.I. *Collected Works* (Vol. 19, pp. 239–304). Moscow: Politizdat (in Russian).

Lenin V.I. (1969) Imperialism, the Highest Stage of Capitalism. In: Lenin V.I. *Collected Works* (Vol. 27, pp. 299–426). Moscow: Politizdat (in Russian).

Lenin V.I. (1973) May Day Action by the Revolutionary Proletariat. In: Lenin V.I. *Collected Works* (Vol. 23, pp. 300). Moscow: Politizdat (in Russian).

Mamardashvili M. (1970) Converted form. In: *Encyclopedia of Philosophy* (Vol. 5, pp. 386–389). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya (in Russian).

Manchuk A. (2017) *Ukraine. Anatomy of Disaster*. Moscow: Algoritm (in Russian).

Marx K. & Engels F. (1955a) German Ideology. In: Marx K. & Engels F. *Collected Works* (Vol. 3, pp. 7–544). Moscow: Politizdat (in Russian).

Marx K. & Engels F. (1955b) Manifesto of the Communist Party. In: Marx K. & Engels F. *Collected Works* (Vol. 4, pp. 419–459). Moscow: Politizdat (in Russian).

Marx K. (1959) A Contribution to the Critique of Political Economy In: Marx K. & Engels F. *Collected Works* (Vol. 13, pp. 1–167). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury (in Russian).

Marx K. (1960) Capital. Volume 1. In: Marx K. & Engels F. *Collected Works* (Vol. 23). Moscow: Politizdat (in Russian).

Marx K. (1968) Economic Manuscripts of 1857–1859. Part 1. In: Marx K. & Engels F. *Collected Works* (Vol. 46, part 1, pp. 1–265). Moscow: Politizdat (in Russian).

Marx K. (1969) Economic Manuscripts of 1857-1859. Part 2. Part 1. In: Marx K. & Engels F. *Collected Works* (Vol. 46, part 2, pp. 1–210). Moscow: Politizdat (in Russian).

Marx K. (1974) Economic and Philosophic Manuscripts of 1844. Part 1. In: Marx K. & Engels F. *Collected Works* (Vol. 42, pp. 41–174). Moscow: Politizdat (in Russian).

Marx K. (2010) Notes on James Mill. In: Marx K. *Economic and Philosophic Manuscripts of 1844 and Other Early Philosophical Works* (pp. 359–384). Moscow : Akademicheskii proyekt (in Russian).

Stedman Jones D. (2012) *Masters of the Universe: Hayek, Friedman, and the Birth of Neoliberal Politics*. Princeton, NJ: Princeton University Press (Russian translation: Moscow, Mysl'; Chelyabinsk: Sotsium, 2017).

Yergin D. (1990) *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power*. New York City: Simon & Schuster (Russian translation: Moscow: Alpina Publisher, 2011).